

Рамо Ях

Следующий сигнал

<https://litres.ru/74056043>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда сверхмощная солнечная вспышка за одну ночь уничтожает электрические сети, связь и привычный мир, инженер-связист Егор Ворохта остаётся один в мёртвой Москве. Чтобы спасти себя и найти родных, он отправляется пешком через всю Россию — в далёкую сибирскую деревню. Это история не только о выживании после катастрофы, но и о том, как люди заново учатся жить, строить, помнить и соединять друг друга, когда от цивилизации остаются лишь знания, надежда и человеческая взаимопомощь.

Рамо Бин Ях

Следующий сигнал

Предисловие

Мы живём в эпоху, когда связь стала воздухом. Мы дышим ею, не замечая её присутствия, пока она не исчезнет. Уведомления, лайки, видеозвонки, облачные хранилища — мы уверены, что опутали мир паутиной, которая удержит нас вместе в любой катастрофе. Мы верим, что технологии сделали нас неуязвимыми.

Но что останется, когда экраны погаснут навсегда? Когда серверы превратятся в груды кремния, а спутники упадут с орбиты, как подбитые птицы? Когда вся накопленная за столетия информация станет недоступной, а самый сложный прибор в доме — это водяное колесо?

Эта история — не о том, как человечество умерло. Она о том, как оно вспомнило, как жить.

«Следующий сигнал» — это хроника возвращения. Возвращения не к прошлому, его уже не вернуть, а к самому себе. Егор Ворохта, инженер сетей, человек, всю жизнь строивший виртуальные мосты между людьми, оказывается в мире,

где мосты нужно строить руками. Из брёвен, из меди, из доверия. Его путь длиной в четыре тысячи километров — это не просто физическое преодоление пространства. Это переход от иллюзии связи к её сути.

В этой книге вы не найдёте зомби, мародёрских банд как главной угрозы или героического спасения мира в одиночку. Здесь угроза другая — забвение. Риск того, что знание будет утеряно, что человечество одичает, что нить, связывающая поколения, оборвётся. И спасение приходит не через чудо, а через труд. Через умение колоть дрова, принимать роды, паять лампы и, главное, помнить.

Автор предлагает нам взглянуть на апокалипсис не как на финал, а как на точку перезагрузки. На болезненное, кровавое, но честное начало. Мы видим, как из пепла вырастет новая цивилизация — медленная, ламповая, паровая, но живая. Цивилизация, где транзистор, созданный своими руками, ценнее золота, потому что за ним стоит память.

Это рассказ о том, что технология — всего лишь инструмент. А цель — человек. Пока человек идёт к человеку через мороз и тьму, пока он передаёт знание из рук в руки, пока он зажигает огонь в окне для другого — конца света не существует. Есть только начало.

Читая эти страницы, прислушайтесь к тишине между словами. В ней звучит тот самый сигнал. Тот, что важнее любых данных. Сигнал жизни.

Глава 1.

Егор Ворохта узнал о конце света из уведомления на экране монитора.

Это было странно, если вдуматься, — узнать о гибели цивилизации через корпоративный мессенджер. Но именно так всё и произошло: в четырнадцать двадцать две по московскому времени, между совещанием по оптимизации сетевого трафика и запланированным кофе-брейком, на экране его рабочего ноутбука выскочило сообщение от Кости Тарасова из отдела мониторинга:

«Егор, глянь новости. На Солнце что-то серьёзное. Говорят, X45. Если не врут — нам всем конец.»

Егор усмехнулся. Костя всегда был параноиком. Он держал дома запас тушёнки на полгода, фильтр для воды и динамо-фонарь — и каждый раз, когда NASA публиковало очередной пресс-релиз о солнечной активности, Костя начинал нервничать. Коллеги над ним подшучивали. Называли «выживальщиком». Костя не обижался, только шурился и гово-

рил: «Посмотрим, кто будет смеяться последним.»

Егор открыл новостную ленту.

Заголовки были один тревожнее другого: «NASA подтверждает: зафиксирована крупнейшая солнечная вспышка за всю историю наблюдений», «Класс X45+: коронарный выброс направлен к Земле», «Геомагнитная буря может достичь планеты в течение 14–18 часов», «Правительства стран G7 проводят экстренные совещания».

Он прочитал первую статью. Потом вторую. Потом третью.

Солнечная вспышка класса X45. Корональный выброс массы — прямо в сторону Земли. Расчётное время прибытия: ночь с семнадцатого на восемнадцатое сентября. Учёные говорили разное. Одни утверждали, что магнитосфера планеты выдержит удар, пострадают только спутники и полярные регионы. Другие — что удар будет сопоставим с событием Кэррингтона 1859 года, но в десятки раз мощнее. Третьи просто молчали, и их молчание было красноречивее любых слов.

Егор откинулся в кресле. За панорамным окном двадцать второго этажа башни «Меркурий» в Москва-Сити тянулся

обычный сентябрьский день. Солнце — то самое солнце, которое только что плюнуло в Землю миллиардами тонн раскалённой плазмы — мягко золотило стеклянные фасады небоскрёбов. По набережной ползли автомобили. На крыше соседнего здания рабочий в оранжевом жилете курил, свесив ноги. Всё было нормально. Всё было так чудовищно, невыносимо нормально.

К шести вечера в офисе «ТелеКрон» — одного из крупнейших телекоммуникационных операторов страны — уже никто не работал. Люди стояли кучками, смотрели в телефоны, переговаривались. Голоса были приглушённые, как в больничном коридоре. Начальник отдела Виктор Павлович, грузный мужчина с вечно красным лицом, ходил между столами и говорил: «Ребят, ну хватит панику разводить. Ну было уже такое — в две тысячи третьем была вспышка, и ничего. Ну отключат спутники на пару дней, перезагрузят — и всё.»

Никто ему не верил. Даже он сам себе не верил — это было видно по тому, как он непрерывно вытирал ладони о брюки.

В восемь вечера Егор вышел из офиса. Метро работало, но было переполнено — люди ехали домой раньше обычного. В вагоне все смотрели в телефоны. Егор тоже смотрел в

телефон. Президент выступил с обращением. Говорил спокойно, уверенно. Сказал, что приняты все необходимые меры. Что стратегические объекты защищены. Что гражданам рекомендуется не поддаваться панике и по возможности отключить электронные устройства от сети.

Егор доехал до «Тушинской», вышел и пошёл к своему дому по улице Свободы. Купил в «Супермаркете» две бутылки воды, хлеб и банку кофе. На кассе девушка с усталыми глазами сказала: «Наличные есть? Терминал глючит.» Егор порылся в карманах. Нашёл мятую пятисотку. Девушка дала сдачу и добавила: «Конец света, а у меня смена до одиннадцати.»

Он пришёл домой, в свою однокомнатную квартиру на девятом этаже панельной шестнадцатиэтажки. Сел на кухне. Включил телевизор. По всем каналам шли экстренные выпуски. Эксперты спорили, ведущие хмурились, бегущая строка ползла по нижнему краю экрана: «Геоманнитная буря ожидается в 02:00–04:00 МСК...»

Позвонила мама.

— Егор, я новости посмотрела. Там правда что-то страшное?

Голос у мамы был встревоженный, но не испуганный. Мама жила в Самойловке — небольшом селе в Красноярском крае, в семидесяти километрах от ближайшего города. Она привыкла к тому, что мир далёк и непонятен. Для неё Москва была такой же абстракцией, как и Солнце.

— Мам, всё нормально, — сказал Егор. — Учёные разберутся. Ложись спать.

— Отец говорит, корова вечером странно себя вела. Мычала, не хотела в стойло идти. И собака скулит.

— Животные всегда чувствуют, мам. Не переживай.

— Ты бы приехал, Егорушка. Когда ты последний раз был-то? На Новый год? Это ж девять месяцев уже...

— Приеду, мам. Скоро приеду.

Он положил трубку. Посидел ещё минуту, глядя на экран телевизора, где полный мужчина в очках объяснял разницу между солнечными вспышками класса X и класса M.

Потом выключил телевизор, поставил телефон на зарядку и лёг спать.

Уснуть не мог. Лежал, смотрел в потолок. За окном город гудел — тише обычного, словно и он затаил дыхание. В три часа ночи Егор встал, подошёл к окну. Небо на севере мерцало — бледно-зелёное, потом розовое, потом фиолетовое. Северное сияние над Москвой. Он никогда такого не видел. Это было красиво. Невыносимо, пугающе, нечеловечески красиво.

В три тридцать семь свет погас.

Не мигнул, не моргнул — просто исчез. Холодильник замолчал. Зарядка телефона перестала светиться. Уличные фонари, светофоры, окна соседних домов — всё разом утонуло в темноте. Москва, двадцатимиллионная агломерация, город, который никогда не спал, — погрузился во мрак.

Егор стоял у окна и смотрел, как гаснет мир.

Небо продолжало полыхать — теперь уже алым и пурпурным, словно кто-то разлил краску по чёрному холсту. И в этом неземном свете город внизу выглядел мёртвым. Тёмные прямоугольники зданий. Неподвижные светлячки автомобильных фар — некоторые ещё светили, но большинство уже нет. Тишина. Абсолютная, невозможная для Москвы тишина.

Потом тишину прорезал вой автомобильной сигнализации. Потом ещё одной. Потом где-то закричала женщина. И город начал просыпаться — не к жизни, а к осознанию смерти.

Телефон не включался. Егор держал кнопку, тряс его, пробовал подключить к зарядке — бесполезно. Чёрный прямоугольник стекла и пластика. Мёртвый.

Он не знал тогда — и узнал только через несколько дней, из слухов, пересказов, обрывочных сведений, — что произошло на самом деле. Коронарный выброс оказался даже мощнее, чем предсказывали самые пессимистичные модели. Поток заряженных частиц ударил в магнитосферу Земли, как кувалда в яичную скорлупу. Индуцированные токи потекли по линиям электропередач, трубопроводам, рельсам, любым протяжённым металлическим конструкциям. Трансформаторы горели, как спички. Подстанции взрывались. Генераторы электростанций заклинивало от перегрузки.

Но хуже всего было другое. Электромагнитный импульс такой мощности выжигал микросхемы. Не все — некоторые устройства, находившиеся в экранированных помещениях, в металлических корпусах, в выключенном состоянии, уцелели. Но подавляющее большинство электроники — телефоны, компьютеры, контроллеры, серверы, автомобильные

блоки управления, бытовая техника — превратилось в бесполезный мусор. Микрочипы, на которых держалась вся современная цивилизация, — те самые кремниевые пластинки, которые Егор десять лет своей карьеры помогал объединять в сети, — погибли в одно мгновение.

Мир не просто остался без электричества. Мир остался без возможности быстро это электричество вернуть. Трансформаторы высокого напряжения — те самые, что стоят на каждой подстанции, — производились штучно. На изготовление одного уходило от полугода до полутора лет. Производились они на заводах, которые работали на электричестве. Которого больше не было.

Круг замкнулся.

Глава 2

Первые три дня Егор провёл в квартире.

У него было немного воды, хлеб, полупустой холодильник, в котором продукты начали портиться к концу первого дня. Газовая плита работала — магистральный газ ещё шёл, хотя напор слабел. Он варил макароны, пил чай, экономил воду.

Информация приходила обрывками. Он спустился во двор, разговаривал с соседями. Люди стояли кучками, как он и его коллеги в офисе в первый день, — только теперь без телефонов, без интернета, без какой-либо связи с внешним миром. Каждый знал только то, что видел своими глазами и слышал от других таких же растерянных людей.

Сосед с третьего этажа, бывший военный, сказал, что проехал на старом уазике — тот завёлся, в нём не было электронного блока управления — до Кольцевой. Пробки мёртвых автомобилей в несколько рядов. Некоторые машины горели — люди пытались их завести, что-то замкнуло. На МКАДЕ он видел военных.

— Армия работает, — сказал сосед. — У них техника старая, аналоговая. Часть, по крайней мере. И связь какая-то есть — по радио, что ли. Но их мало, а город большой.

На второй день отключился газ. Водопровод перестал работать ещё в первый — насосы встали. Егор наполнил ванну из последних капель, сочившихся из крана. Этой воды хватило бы на неделю, если экономить.

На третий день он спустился в Магазин на углу. Магазин был разгромлен. Стеклопанельная дверь выбита, полки пусты, на полу — раздавленные упаковки, разлитое молоко, осколки.

Егор постоял на пороге, глядя на этот натюрморт конца эпохи, и вернулся домой.

В тот вечер он сидел на кухне при свете свечи — нашёл три штуки в ящичке стола, остатки какого-то романтического ужина, — и думал.

Ему было тридцать четыре года. Десять из них он прожил в Москве. Приехал после университета, устроился в «ТелеКрон» младшим инженером, дорос до ведущего специалиста по сетевой инфраструктуре. Хорошая зарплата. Однушка в ипотеку. Машина — KIA Seed, сейчас стоит на парковке, мёртвая, как всё остальное. Спортзал три раза в неделю. Знакомства в сети по выходным. Отпуск в Турции раз в год. Жизнь, которая казалась нормальной, правильной, единственно возможной.

А теперь?

Теперь он был просто человеком в бетонной коробке на девятом этаже, без воды, без еды, без тепла — сентябрь в Москве уже холодный, — без связи с кем бы то ни было, без каких-либо навыков, которыегодились бы в мире без электричества.

Он подумал о Самойловке. О деревянном доме с печкой.

О колодце во дворе. О маминых запасах — подвал с банками варенья, солений, картошки. Об отцовском огороде. О лесе за околицей, полном грибов и дичи. О маме. Об отце.

Он подумал о четырёх тысячах километров, которые отделяли его от дома.

И принял решение.

На четвёртый день Егор собрал рюкзак.

Он никогда не был туристом, не ходил в походы, но здравый смысл подсказывал, что нужно взять. Тёплая одежда — осень, ночи холодные. Спальный мешок — был в шкафу, купленный когда-то для так и не состоявшегося похода с друзьями. Нож. Зажигалка. Свечи. Верёвка. Фляга. Пластиковые бутылки с водой из ванны. Остатки еды — две банки тушёнки, пачка крупы, сахар, соль. Аптечка. Паспорт. Наличные деньги — нашёл дома около двенадцати тысяч рублей; будут ли они чего-то стоить, он не знал.

Он натянул треккинговые ботинки, надел флисовую кофту, сверху — куртку. Рюкзак получился тяжёлым, но подъёмным.

Перед выходом он постоял в дверях, оглядывая квартиру.

Книжная полка. Телевизор — чёрный, мёртвый экран. Ноутбук на столе. Кружка с надписью «Лучший инженер всех времен», подарок коллег. Фотография на стене — он с мамой и отцом, снятая три года назад, когда они приезжали в Москву.

Он снял фотографию, вложил в рюкзак. Закрыв дверь на ключ — зачем? по привычке — и начал спускаться по тёмной лестнице.

Во дворе было многолюдно. Люди выходили из подъездов с сумками, рюкзаками, тележками. Некоторые грузили вещи в тележки из супермаркетов. Женщина в шубе — в шубе, в сентябре! — тащила за собой чемодан на колёсиках по асфальту.

— Куда все идут? — спросил Егор у пожилого мужчины, сидевшего на лавочке.

— А куда идти? — ответил тот. — Одни — на вокзал, думают, поезда пойдут. Другие — к родне, в область. Третьи — просто идут. Лишь бы не сидеть.

— Поезда не ходят?

Мужчина засмеялся. Смех был сухой, невесёлый.

— Сынок, тут лифты не ходят. Какие поезда.

Егор вышел со двора и зашагал на восток, к Волоколамскому шоссе. Он решил идти из Москвы по шоссе Энтузиастов — на восток, на Владимир, Нижний Новгород, дальше — на Казань, Екатеринбург, через Урал, через Тюмень, Омск, Новосибирск, Красноярск и потом — свернуть в сторону, к Самойловке. Четыре тысячи километров. Пешком — это месяцы. Но, может быть, по дороге удастся найти транспорт. Лошадь. Велосипед. Попутную телегу. Что угодно.

Он шёл по Москве и не узнавал её.

Город, в котором он прожил десять лет, превратился в декорацию к фильму-катастрофе. Светофоры не работали. На перекрёстках стояли, а кое-где лежали на боку, автомобили — люди бросали их там, где они заглохли. Некоторые перекрёстки были забаррикадированы — непонятно кем и зачем. Витрины магазинов разбиты. На стенах — надписи: «Вода — ул. Академика Курчатова, школа №1247», «ОСТОРОЖНО — МАРОДЁРЫ», «КОНЕЦ СВЕТА — ПОКАЙТЕСЬ».

Людей было много. Они шли в разных направлениях — но больше всего из центра, к окраинам, за город. Некоторые были нагружены так, что едва переставляли ноги. Другие шли

налегке, с пустыми руками, со стеклянными глазами, словно лунатики. Были и те, кто ехал — на велосипедах, на самокатах, один мужчина катил тачку, гружённую мешками.

На Садовом кольце Егор увидел военных. Бронетранспортёр, настоящий, грязно-зелёный, стоял поперёк дороги. Солдаты в касках — молодые, растерянные — проверяли у прохожих документы.

— Куда направляетесь? — спросил один.

— Домой. В Красноярский край.

Солдат посмотрел на него с выражением, в котором смешались сочувствие и недоверие.

— Пешком?

— Как получится.

— За МКАДОМ — без гарантий. Мы контролируем центр и основные магистрали в пределах города. Дальше — сами.

— Понял.

Солдат помедлил, потом достал из кармана мятую карамельку и протянул Егору.

— Удачи, земляк.

Егор взял карамельку, кивнул и пошёл дальше.

К вечеру первого дня он прошёл тридцать километров и вышел за МКАД. Ноги гудели — он привык к офисному креслу, а не к долгим переходам. Нашёл место для ночёвки под путепроводом — там уже стояли несколько палаток, горел костёр, сидели люди. Его приняли молча, подвинулись, дали место у огня.

Были тут разные: семья с двумя детьми — отец, мать, мальчик лет семи и девочка лет пяти; двое молодых парней — студенты, судя по виду; пожилая женщина с собакой — маленьким, трясущимся тойтерьером; и угрюмый мужчина в камуфляже, который не разговаривал, а только сидел и точил нож.

— Вы откуда? — спросил отец семейства. Его звали Дмитрий, он работал программистом в новом малоизвестном стартапе.

— Из Тушина. Иду в Сибирь.

— В Сибирь? — Дмитрий присвистнул. — Далеко.

— А вы?

— А мы — в Рязанскую область. У жены родители в деревне. Сто восемьдесят километров. Думали, за неделю дойдём. С детьми медленно.

Девочка спала на руках у матери. Мальчик сидел, завернувшись в одеяло, и смотрел на огонь. Глаза у него были огромные, тёмные, испуганные.

— Как думаете, починят? — спросила жена Дмитрия, Марина. — Ну... всё это?

Егор посмотрел на неё. Она была красивая женщина, лет тридцати, со следами бессонных ночей под глазами.

— Я десять лет работал в Телекоме, — сказал он. — Я знаю, как устроена инфраструктура. Сколько оборудования нужно. Откуда оно поставляется. Сколько времени занимает монтаж. — Он помолчал. — Если сгорело всё — а похоже, что сгорело всё, — то на восстановление уйдут годы. Может, десятилетия. Может, никогда.

— Никогда? — переспросил Дмитрий.

— Чтобы сделать микрочип, нужен завод. Чтобы построить завод, нужны станки. Чтобы сделать станки, нужны другие станки. И электричество. И логистика. И сырьё. И специалисты, которые знают, как всё это работает. И все эти звенья должны работать одновременно. Выбей одно — и цепочка рвётся. А тут выбиты все.

У костра стало тихо. Только огонь потрескивал.

— Ну, — сказал Дмитрий после долгой паузы, — наши деды жили без электричества. И ничего.

— Наши деды умели, — ответил Егор. — А мы — нет.

Глава 3

Дорога на восток была дорогой Исхода.

Егор шёл по шоссе, по обочине, среди тысяч других людей. Это было странное, почти библейское зрелище — бесконечная вереница людей, идущих из города прочь, с детьми, с собаками, с тележками и рюкзаками, с выражением усталости и страха на лицах. Как будто кто-то выдернул пробку, и человеческая масса потекла из мегаполиса, как вода из ра-

КОВИНЫ.

Шоссе было забито мёртвыми автомобилями. Люди шли между ними, как между могильными плитами. Некоторые машины уже были обжиты — в них спали, в них прятались от дождя. У одного минивэна мужчина разложил на капоте товары — батарейки, спички, консервы — и менял их на другие вещи. Деньги принимал, но неохотно: «А зачем они мне? Чего я на них куплю?»

Егор шёл и считал шаги.

В первые дни он проходил по двадцать пять — тридцать километров в день. Ноги покрылись мозолями, спина болела от рюкзака, но он заставлял себя идти. Ночевал где придётся — в заброшенных автобусных остановках, в лесополосах, один раз — в пустой церкви на обочине трассы. Ел экономно — тушёнку растягивал, крупу варил на костре, если удавалось найти воду.

Вода была главной проблемой. Реки и ручьи встречались, но не каждый день. Егор научился замечать признаки: низинки, заросли ивы, тёмная полоса растительности. Набирал воду во все ёмкости, которые у него были, кипятил, если мог, или просто пил, надеясь на лучшее.

На пятый день пути он нашёл велосипед.

Это был старый дорожный велосипед, «Урал» или что-то подобное, прислонённый к забору заброшенного дома на окраине какого-то посёлка. Без хозяина, без замка. Егор постоял, посмотрел на него, оглянулся. Никого. Он взял велосипед. Совесть кольнула, но слабо: мир изменился, и правила изменились вместе с ним.

На велосипеде дело пошло быстрее. Шестьдесят, иногда семьдесят километров в день. Рюкзак он привязал к багажнику. Крутил педали и смотрел на Россию.

Россия была огромная.

Он знал это теоретически — видел на картах, читал цифры, летал на самолёте, который за четыре с половиной часа доставлял его от Москвы до Красноярска. Но одно дело — знать, другое — ощутить всем телом, каждым оборотом педалей, каждым километром асфальта, каждым рассветом и закатом, между которыми тянулось бесконечное пространство.

Владимирская область. Нижегородская. Чувашия. Татарстан.

Казань он обошёл стороной. До него доходили слухи — от встречных путников, от жителей придорожных деревень, — что в крупных городах неспокойно. Мародёрство. Банды. Военные пытаются поддерживать порядок, но их мало. Продовольственные склады захвачены. Водопровод не работает. Люди дерутся за колодезную воду.

Деревни были другие.

В деревнях жизнь, конечно, тоже изменилась — но не так катастрофически. Здесь были колодцы, печи, огороды, скотина. Здесь люди умели рубить дрова, топить баню, доить корову, солить капусту. Здесь старухи, которых все считали отсталыми и бесполезными, вдруг стали самыми ценными членами общества — потому что помнили, как жить без электричества. Как стирать на руках. Как хранить мясо без холодильника. Как лечить простуду без аптеки.

Егора принимали по-разному. Одни деревни пускали переночевать, давали хлеба и молока — за работу. Наколоть дров, натаскать воды, починить забор. Другие смотрели настороженно: чужак, городской, а ну как украдёт? Третьи просто молча указывали на дорогу: иди, парень, не до тебя.

В одной деревне — кажется, это было уже в Удмуртии — он остановился на два дня. Старик-хозяин, Степаныч, поста-

вил его рубить дрова. Егор рубил плохо — топор отскакивал, полена разлетались. Степаныч смотрел, качал головой.

— Эх, городские, — говорил он. — Руками ничего не умеете. А башка — чем забита?

— Компьютерами, — сказал Егор.

— Компью-ю-ютерами, — протянул Степаныч. — И где они теперь, компьютеры твои?

— Нигде.

— Вот то-то и оно. А дрова — вот они. И всегда будут. Потому что лес стоит, топор есть, и руки при себе. — Он отобрал у Егора топор. — Смотри, как надо. Ноги шире. Колун держи вот так. Не руками машешь — спиной работаешь. Замах — и вниз. Не целься в полено — целься сквозь него, вон в ту точку на колоде. Понял?

Егор попробовал. Полено раскололось ровно пополам.

— Вот, — сказал Степаныч. — Можешь, когда захочешь.

Он рубил дрова до темноты. Ладони стёр в кровь. Но в ту ночь, лёжа на печи в чужом доме, он впервые за три недели

чувствовал что-то похожее на удовлетворение. Не от результата — от процесса. Его тело сделало что-то реальное, осязаемое. Не перенесло пакет данных из точки А в точку Б. Не оптимизировало маршрутизацию трафика. А вот — расколотые поленья, сложенные в поленницу. Настоящие. Тёплые.

Степаныч дал ему на дорогу мешок картошки и банку мёда.

— Далеко тебе ещё? — спросил он.

— Далеко.

— Дойдёшь?

— Дойду.

— Ну, с Богом.

За Уралом стало холоднее.

Октябрь вступал в свои права. По утрам трава белела от инея, дыхание превращалось в пар. Егор надевал на себя всё, что было, и крутил педали, разогреваясь движением. Но он знал: скоро станет ещё холоднее. Сибирь — не Подмосковье. Ноябрь здесь — уже зима. А до Самойловки оставалось ещё

полторы тысячи километров.

На велосипеде ехать становилось всё труднее. Дороги портились — без обслуживания асфальт быстро приходил в негодность, а грунтовки раскисали от осенних дождей. Он падал, вставал, ехал дальше. Один раз пробил колесо. Полдня потратил на починку — нашёл в заброшенном гараже обрезки резины и клей. Кое-как залатал.

Люди на дороге встречались всё реже. Основной поток беженцев из Москвы остался далеко позади — большинство осело в деревнях Центральной России, не решаясь идти дальше. Те, кто шёл на восток, были, как и Егор, одиночки — люди, у которых за тысячи километров были родные, дом, корни.

Он встретил женщину с ребёнком — она шла из Петербурга в Пермь. Мальчику было три года, она несла его на руках или на спине, в самодельном слинге. Егор отдал ей половину своей еды. Женщина не заплакала, не поблагодарила — просто кивнула и пошла дальше. В её глазах была та же стеклянная решимость, которую Егор видел в зеркале, когда умывался водой из ручья.

Он встретил старика на телеге. Настоящей телеге, с настоящей лошастью. Старик ехал из Перми в сторону Екатерин-

бурга.

— Садись, — сказал старик. — Велосипед привяжем сзади.

Егор ехал с ним три дня. Старика звали Николай Петрович, он был бывшим учителем физики. Ирония не ускользнула ни от одного из них.

— Я тридцать лет объяснял детям, как работает электрический ток, — говорил Николай Петрович, покачиваясь на облучке. — Закон Ома. Закон Фарадея. Электромагнитная индукция. И вот — электромагнитная индукция всё и убила. Знаешь, в чём парадокс? Мы знали, что это возможно. Мы знали про событие Кэррингтона. Знали, что Солнце способно на такое. Но мы ничего не сделали. Потому что это было невыгодно. Экранировать всю инфраструктуру — дорого. Создавать резервные системы — дорого. Легче было надеяться, что пронесёт.

— Не пронесло, — сказал Егор.

— Не пронесло, — согласился Николай Петрович. — Но знаешь, что самое смешное? Лошадке вот всё равно. Она не знает, что мир кончился. Для неё ничего не изменилось. Овёс, вода, дорога. Ей хорошо.

Лошадь фыркнула, словно подтверждая.

В Екатеринбурге — Егор проезжал по окраине — он увидел дым. Не печной, не костровый — чёрный, жирный, заводской. Где-то что-то горело. Или кто-то что-то жёг. Город выглядел полуживым: кое-где мелькали люди, на одном перекрёстке стоял армейский грузовик, из громкоговорителя, работавшего от генератора, женский голос монотонно повторял: «Внимание, граждане. Раздача воды и продовольствия — стадион «Динамо», с восьми до четырнадцати часов. При себе иметь документ, удостоверяющий личность. Норма — два литра воды и четыреста граммов хлеба на человека в сутки...»

Егор не стал задерживаться. Попрощался с Николаем Петровичем — тот оставался у родственников — сел на велосипед и поехал дальше.

Глава 4

За Тюменью начались бескрайние западносибирские равнины. Плоские, как стол. Берёзовые колки. Болота. Серое небо, низкое, давящее. Дорога — разбитый асфальт, переходящий в грунтовку, переходящий в направление.

Здесь было мало людей. Деревни стояли далеко друг от друга — десять, двадцать, иногда пятьдесят километров пустоты. Некоторые деревни были живые — дымок из трубы, лай собак, мычание коров. Другие — мёртвые, брошенные ещё до катастрофы, а теперь и подавно.

Егор ехал и думал о Самойловке.

Самойловка — двести дворов, когда он уезжал. Может, осталось меньше. Стояла на берегу речки Абан, маленькой, неглубокой, но рыбной. Вокруг — тайга: сосна, берёза, кедр. До ближайшего посёлка — двадцать два километра по гравийке. До Красноярска — триста девятнадцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.